

Е. а. н.

Про счастье и другие странности

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Е. К.

Про счастье и другие странности

«Автор»

2026

К. Е.

Про счастье и другие странности / Е. К. — «Автор», 2026

Это пронзительное и глубокое исследование внутреннего мира человека, карта эмоциональных ландшафтов, где счастье не бывает простым и однозначным. Каждая история — это путешествие к границам чувств, где радость граничит с болью, свет — с тьмой, а обретение так часто похоже на потерю. «Про счастье и другие странности» — это книга для тех, кто верит, что самые важные чувства не укладываются в простые формулы.

Содержание

Взаимость	5
Безответность	6
Интеллект	7
Надежда	10
Независимость	11
От ненависти до любви	13
Эмпатия	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Е. К.

Про счастье и другие странности

Взаимность

Я всегда был человеком, который жил в своих мыслях. Мир вокруг меня казался тусклым и серым, как будто все цвета были смыты дождем. Единственным способом справиться с реальностью было погружение в свои собственные фантазии. Obsессия по отношению к своим мыслям была моей постоянной спутницей, и я не знал, как от нее избавиться. Но все изменилось, когда я встретил ее.

Она была как солнечный луч в моем темном мире – яркий, теплый и полный жизни. Ее присутствие делало мои мысли яснее, и я чувствовал, что могу дышать глубже. Когда она была рядом, моя одержимость собой начинала уходить, как туман, который рассеивается с первыми лучами солнца. Мы находили утешение в наших тихих разговорах, и я чувствовал, что наконец-то нашел панацею от своих внутренних мук.

Может быть, у меня была аутофобия – страх перед собой, но рядом с ней я чувствовал себя в безопасности. Она была немного странной, но именно это делало ее особенной. Вместе мы были силой, которая могла залечить все мои раны. Мы не были идеальными, но мы были идеальными друг для друга, как две половинки одного целого.

Мы часто убегали от реальности, погружаясь в эскапизм. Это было наше убежище от мира, который казался слишком тяжелым. Мы прятались в своих собственных мирах, где ничего не имело значения, кроме нас двоих. Но даже в этом убежище была своя усталость. Мы устали от постоянного бегства и решили сделать шаг вперед. Мы выбегали из дома, оставляя позади все свои страхи и сомнения, как птицы, которые взлетают в небо.

Рядом с ней я чувствовал себя свободным. Тревога, которая всегда преследовала меня, не могла догнать меня, когда она была рядом. Она была моей истиной, моим путем и дорогой. Я наконец-то нашел то, что искал так долго – чувство безопасности и понимания. Это было как найти ключ к замку, который открывал дверь в новый мир.

Я мог написать много строчек о боли, которую я испытывал раньше. Но в них была только горечь и разум в неволе. Все казалось бессмысленным, пока я не встретил ее. Она стала моей утопией – местом, где я мог быть самим собой без страха осуждения. Это было как найти остров в середине океана, где я мог наконец-то отдохнуть.

Но как только я нашел свое счастье, я начал осознавать, что все это может быть лишь сон. Мой разум начал гаснуть, и я чувствовал, что наступает час агонии. Страх потерять ее был сильнее, чем все мои предыдущие страхи. Я боялся, что проснусь и все это исчезнет, как утренний туман, который рассеивается с первыми лучами солнца.

Несмотря на эти страхи, я знал, что должен дорожить каждым моментом, который мы проводим вместе. Мы были двумя несовершенными людьми, которые нашли свое совершенство в друг друге. И даже если все это было лишь сон, я был готов жить в нем, пока это возможно.

Мы продолжали жить в своем маленьком мире, где ничего не имело значения, кроме нас двоих. Мы были двумя странниками, которые нашли свой путь друг к другу. И хотя мир вокруг нас был полон неопределенностей, мы знали, что вместе мы можем справиться с чем угодно.

В конце концов, это было все, что имело значение – быть вместе и жить в своем собственном мире, где любовь была единственной реальностью. И даже если этот мир был лишь иллюзией, я был готов жить в нем навсегда.

Безответность

В начале времён, когда мир был ещё слеп и пуст, появились два существа: Айа, первая искра Света, и Эреб, вечная Тьма. Айа была золотистым сиянием, рождённым из хаоса, и танцевала на границах миров, рассыпая звёзды. Её свет проникал в самые дальние уголки, но всегда останавливался перед Эребом.

Эреб, бездонная и нежная Тьма, обнимала миры и ждала Айа в тишине, протягивая руки. Но стоило ей приблизиться – свет рассеивался, оставляя лишь туманное воспоминание. Айа знала, что она не может быть с Эребом, потому что её свет уничтожит его. Эреб же отвечал, что без неё он не существует, и его голос был похож на шум далёкой грозы.

Они встречались на рассветах и закатах, в те короткие мгновения, когда мир задерживал дыхание. Однажды Айа осмелилась подойти ближе. Она протянула руку, и её пальцы коснулись лица Эреба. Тьма дрогнула, но не отступила – впервые за всю вечность.

– Посмотри, – прошептал Эреб, – мы создаём новые цвета.

И правда: там, где их силы смешивались, рождались лиловые сумерки, алые зори, серебристые туманы.

Но чем дольше они оставались вместе, тем сильнее свет Айа выжигал Эреба. Он терял форму, распадаясь на пепельные клубы.

– Это больно, – признался он.

– Но я не хочу уходить, – ответила она.

Боги увидели, что происходит, и испугались. Они знали, что если Айа и Эреб останутся вместе, они разрушат баланс мира. Звёзды кричали: "Они разрушат баланс!" Океаны требовали: "Разделите их!"

Айа и Эреба разлучили. Свету запретили спускаться ниже небес, Тьме – подниматься выше земли. Но по ночам Айа всё равно проливалась лунными лучами, а Эреб ловил их в свои объятия, обрекая на медленное угасание.

Они не могли существовать друг без друга, но и быть вместе – тоже.

Их история стала легендой, рассказываемой во всех мирах, как свидетельство силы любви, которая не может быть разрушена, даже если она запрещена. Айа и Эреб навсегда остались в памяти как символы неразделенной любви Света и Тьмы. Они не могли существовать друг без друга, но и быть вместе – тоже.

Прошло много времени с тех пор, как Айа и Эреба разлучили. Но их любовь продолжала жить, и мир всё ещё помнил о ней.

Айа – светит, но не может прикоснуться.

Эреб – ждёт, но не может удержать.

А люди, глядя на закаты, до сих пор не понимают, почему эти краски такие печальные.

Интеллект

Я жил в тихом городе, где солнечные лучи, словно золотые нити, пронизывали утренний туман, окрашивая улицы в теплые оттенки. Дома здесь стояли ровно, как солдаты на параде, а деревья в парках всегда шелестели в такт моим мыслям. Мой мир был упорядочен и предсказуем, как математическая формула.

Каждое утро я просыпался в одно и то же время, заваривал кофе по строгому ритуалу и погружался в книги. Познание мира стало моей религией, а интеллект – единственным богом, которому я поклонялся. Я был убежден, что только через разум можно достичь истинного понимания бытия.

Мои дни текли размеренно и спокойно. Работа в библиотеке позволяла мне находиться среди книг, которые я так любил. Я изучал философию, физику, психологию – все, что могло расширить границы моего понимания. Серые тона моего существования казались мне цветом мудрости и ответственности.

Внешне я действительно был образцовым гражданином. Дисциплина и порядок стали моими верными спутниками. Я никогда не опаздывал на работу, аккуратно заполнял налоговые декларации и строго следовал всем правилам общества.

По вечерам я гулял по улицам, погруженный в свои мысли. Прохожие спешили по своим делам, смеялись, ругались, влюблялись – а я наблюдал за ними со стороны, пытаясь понять природу человеческих эмоций через призму логики. Одиночество стало моим постоянным спутником, но я считал его необходимой жертвой на алтаре познания.

Этот день начался как обычно. Я возвращался домой после работы, погруженный в размышления о природе времени. И вдруг заметил его – старика на скамейке. Он сидел, опираясь на трость, и смотрел прямо на меня.

– Жизнь – это не только радость, но и грусть. И все имеет свой срок, – произнес он, когда я проходил мимо.

Эти слова пронзили меня, словно стрела. Я остановился как вкопанный, чувствуя, как что-то внутри меня начинает меняться. Глубокий взгляд старика проникал в самую душу, заставляя переосмыслить все, во что я верил.

В тот момент я осознал, что мое понимание мира было неполным, искаженным. Интеллектуальное осознание оказалось лишь одной гранью реальности. Я понял, что все эти годы игнорировал простые радости жизни, боялся настоящих эмоций, прятался за книгами от живого мира.

Мое сердце, которое я считал холодным и рациональным органом, вдруг забилось чаще. Я почувствовал, как внутри что-то просыпается, словно древний механизм, который долго находился в спящем режиме. Эмоции начали пробиваться сквозь броню моего самоконтроля.

Я решил изменить свою жизнь. Начал с малого – стал улыбаться прохожим, задерживаться в парках, наблюдая за играющими детьми, пробовать новые блюда в кафе вместо привычного обеда. Маленькие радости начали заполнять пустоту внутри меня.

Но чем больше я пытался измениться, тем отчетливее понимал, насколько глубоко укоренилось мое прежнее мировоззрение. Старые привычки сопротивлялись переменам, а сердце, привыкшее к холоду одиночества, не хотело согреться.

Постепенно я начал осознавать, что мое прозрение пришло слишком поздно. Годы одиночества оставили глубокие шрамы на моей душе. Я пытался наладить отношения с людьми, но они чувствовали мою отстраненность. Я стремился испытывать эмоции, но они казались искусственными, ненастоящими.

Моя душа была ранена, и никакие лекарства не могли ее исцелить. Раны времени не заживают так просто, особенно когда сам становишься их причиной. Я понимал, что потратил лучшие годы на погоню за абстрактными идеями, забыв о живой, пульсирующей реальности.

Я продолжал жить, но моя жизнь стала похожа на купленный сырок – все имело свой срок годности, и ничто не могло быть вечным. Солнечный свет, который раньше казался символом знания и просвещения, теперь напоминал мне о потерянном времени.

Мои шаги по улицам стали тяжелыми от осознания упущенных возможностей. Я видел, как другие люди смеются, любят, страдают – и все это происходит без моего участия. Одиночество снова окружило меня, но теперь оно было иным – осознанным и горьким.

Иногда я сажусь на ту самую скамейку, где встретил старика. Смотрю на прохожих, на играющих детей, на влюбленные пары. Жизнь течет мимо, и я понимаю, что стал лишь наблюдателем, а не участником. Я задаюсь вопросом: что, если бы я услышал слова того старика раньше? Мог ли я изменить свой путь, не дожидаясь, пока жизнь сама толкнёт меня к переосмыслению? Альтернативные реальности кружатся в моей голове, как пылинки в лучах вечернего солнца.

Я часто вспоминаю свои молодые годы, когда ещё не закрыл сердце для эмоций. Тогда я мог смеяться от души, грустить искренне, любить безоглядно. Но я сам выбрал путь интеллектуала, путь холодного анализа и отстранённого наблюдения. Цена выбора стала очевидна слишком поздно.

Я начал вести дневник. Писать о своих чувствах, мыслях, переживаниях. Чернильные строки становятся моими единственными свидетелями. Они не осуждают, не критикуют, просто принимают всё, что я готов им доверить.

В этих записях я пытаюсь разобраться в себе, понять, что именно привело меня к такому существованию. Анализ прошлого помогает увидеть ошибки, но не даёт возможности их исправить. Я словно застрял между страницами собственной жизни, наблюдая, как она проходит мимо.

Иногда судьба преподносит сюрпризы. В библиотеке я встретил молодую девушку, которая, как и я когда-то, погружалась в книги с головой. Искренний интерес к знаниям, горящие глаза, желание понять мир – всё это было в ней.

Я пытался предостеречь её от моих ошибок, но понимал, что каждый должен пройти свой путь. Возможно, именно через подобные предостережения я пытаюсь найти смысл в собственном существовании – стать маяком для других, чтобы они не повторили моих ошибок.

Постепенно я начал принимать свою жизнь такой, какая она есть. Принятие не означает смирение с судьбой, это скорее осознание того, что каждый выбор имеет последствия. Мои решения привели меня сюда, и я должен жить с этим.

Я научился находить красоту в простых вещах: в шелесте листьев, в каплях дождя на стекле, в улыбке случайного прохожего. Маленькие радости стали для меня своеобразным лекарством от душевной боли.

Солнечный свет по-прежнему освещает улицы моего города, но теперь я вижу в нём не только символ просвещенности. Многогранность бытия раскрывается передо мной в каждом луче, в каждой тени.

Я понял, что истинное понимание мира невозможно без баланса между разумом и сердцем. Гармония противоположностей – вот что делает жизнь полной и значимой. Жаль только, что это осознание пришло так поздно.

Теперь я часто думаю о том старике. Кем он был? Случайным прохожим или посланником судьбы? Загадочная фигура до сих пор не даёт мне покоя. Возможно, он был тем самым катализатором, который помог мне изменить взгляд на мир, пусть и с опозданием.

Моя жизнь продолжается, и хотя она уже никогда не будет такой, как прежде, я научился находить в ней смысл. Принятие себя во всех проявлениях – может быть, это и есть то самое истинное понимание, к которому я стремился всю жизнь.

И пусть мои шаги по-прежнему одиноки, но теперь они несут в себе не только тяжесть осознания упущенного, но и лёгкость принятия настоящего. Ведь даже в самом тёмном углу можно найти луч света, если только научиться его видеть.

Надежда

Не буду открывать шторы. Пусть мрак, густой и тягучий, как чернильное море, обволакивает комнату. Он мне друг. Он понимает мою усталость, мои тревоги, мои тихие, несмелые страхи. В полумраке все кажется не таким острым, не таким безнадежным. Свет, он безжалостен, он высвечивает каждую пылинку, каждую морщинку, каждую трещину в моей душе. А мрак – он их скрывает, убаюкивает, обещает, что все пройдет.

Вчера снова звонила мама. Ее голос – тонкая нить, связывающая меня с прошлым, с нормальной жизнью. Она спрашивала про работу, про здоровье, про планы на будущее. А я врала. Врала, что все хорошо, что я работаю над интересным проектом, что вот-вот пойду в спортзал. Врала, потому что не хотела ее тревожить. Не хотела рассказывать, что уже несколько месяцев не выхожу из дома, что живу на консервах и растворимом кофе, что мир для меня сузился до размеров этой комнаты.

Мрак – мой союзник. Он помогает мне уклоняться от реальности, прятаться от ответственности. Он окутывает меня коконом бездействия, и я благодарна ему за это.

Я закрываю глаза и слушаю, как тикают часы. Этот звук – единственное напоминание о том, что время идет, что жизнь продолжается. Но для меня она словно замерла. Остановилась в тот день, когда... Нет, лучше не вспоминать. Мрак не любит воспоминания.

Я поворачиваюсь на другой бок и пытаюсь заснуть. Но сон не приходит. В голове роятся обрывки мыслей, несвязные образы, забытые мелодии. Я ворочаюсь и вздыхаю. Наверное, нужно было принять снотворное. Но я боюсь. Боюсь потерять контроль даже над собой.

И так проходит ночь. Медленно, мучительно, безнадежно.

Но каждое утро...

Все равно пробивается лучик солнца. Сначала робкий, едва заметный, он просачивается сквозь щель между шторами. Потом становится смелее, увереннее. Он играет на стене, рисует причудливые узоры, наполняет комнату теплым золотистым светом.

Я морщусь, отворачиваюсь. Не хочу видеть. Не хочу знать.

Но луч солнца упорен. Он находит меня. Он касается моего лица, согревает мою кожу. И я, против воли, открываю глаза.

И вижу...

Пылинки, танцующие в солнечном свете. Узор обоев на стене. Книги, разбросанные на полу. Все это – знаки жизни, напоминания о том, что мир существует, что он ждет меня.

Лучик солнца – не враг. Он – проводник. Он показывает мне, что даже в самой темной комнате есть место для света, что даже после самой длинной ночи наступает утро.

Он не обещает, что все будет хорошо. Но он дает надежду. Надежду на то, что я смогу выбраться из этого мрака, что смогу найти в себе силы жить дальше.

И я, медленно, осторожно, сажусь на кровати. И протягиваю руку к шторам.

Может быть, сегодня я открою их.

Независимость

«Один в поле не воин» – эти слова матери эхом отдавались в моей голове, но я упрямо не хотел их слышать. Юность бурлила в венах, наполняя меня уверенностью в собственной непобедимости. Самодостаточность казалась мне не просто добродетелью, а священным правом.

Каждый раз, когда кто-то пытался приблизиться, протянуть руку помощи, я отступал. «Мне никто не нужен» – эта мантра стала моим девизом. Я убедил себя, что только так можно сохранить целостность личности, избежать предательства и боли. Защитный механизм превратился в кредо жизни.

Я возводил стены вокруг своего сердца кирпичик за кирпичиком. Эмоциональная броня казалась непробиваемой. Друзья, семья, даже случайные знакомые – все они были отодвинуты на безопасное расстояние.

В моей голове прочно укоренилась мысль: «Ближний рубит сильнее палача». Я собирал истории о предательстве, как коллекцию доказательств своей правоты, игнорируя тысячи примеров искренней дружбы и любви.

Зима стала моим личным испытанием. Холод пробирался не только через окна, но и в самую душу. Одиночество проявляло себя во всем: в тишине пустой квартиры, в отсутствии звонков, в невозможности поделиться радостью или горем.

Даже верный кот, мурлыкающий на коленях, не мог заполнить эту пустоту. Горячий кофе утратил свой вкус, а любимые занятия больше не приносили прежнего удовольствия.

Упрямство продолжало гнуть свою линию. Азарт самоутверждения подстегивал двигаться дальше, доказывать свою правоту всему миру. Я хватался за работу, проекты, увлечения – лишь бы не оставаться наедине с собой и своими мыслями.

Но чем дальше, тем яснее становилось: цена одиночества слишком высока. Успехи теряли блеск, достижения казались пустыми, а победы – безвкусными.

Вечер за вечером, с бокалом дешевого портвейна в руке, я прокручивал в памяти прошлое. Воспоминания накатывали волнами, принося с собой боль осознания.

Я вспоминал друзей, которых оттолкнул, считая их присутствие обузой. Вспоминал семью, их попытки достучаться до моего сердца. Искренняя забота была воспринята как попытка контроля, любовь – как слабость.

Готовя себе борщ – блюдо, которое когда-то готовила мама, – я вдруг понял всю глубину своей ошибки. Прозрение пришло неожиданно, как удар молнии.

Они любили меня. Искренне пытались защитить и поддержать. А я, ослепленный гордыней, превратил их заботу в повод для отчуждения. Слепота эгоизма оказалась сильнее здравого смысла.

Теперь одиночество стало моим постоянным спутником. Липкое чувство проникало во все уголки жизни. Я оглядывался по сторонам, но не видел ни одного знакомого лица, готового разделить этот вечер.

Тишина квартиры давила, а пустота в душе разрасталась, поглощая остатки самоуверенности. Одиночество превратилось из выбора в наказание.

В голове проносились картины прошлого. Моменты, когда я отталкивал протянутые руки помощи, пренебрегал советами, отмахивался от любящих взглядов. Упущенные возможности выстраивались в бесконечную вереницу.

Какой могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда не поддался гордыне? Если бы позволил близким войти в мое сердце? Альтернативная реальность манила своей недостижимостью.

Самое горькое осознание – виноват в этом только я сам. Ответственность за разрушенные отношения, за потерянные связи, за годы одиночества лежала исключительно на моих плечах.

Я создал эту ситуацию своими руками, своими решениями, своими словами. Самоуверенность превратилась в саморазрушение.

Время вспять не повернуть – эта мысль становилась все более отчетливой. Невозможность исправить прошлое давила тяжелым грузом.

Но вместе с тем приходило понимание: возможно, еще не все потеряно. Новый шанс всегда есть, просто нужно набраться смелости его использовать.

Сейчас, сидя в этой пустой квартире, я понимаю главное: независимость – это прекрасно, но только когда она не превращается в изоляцию. Баланс между самостоятельностью и открытостью к миру – вот что действительно важно.

От ненависти до любви

На улице темно – ненавижу темноту. На улице слишком солнечно – ненавижу солнце. Холод ненавижу. Жару ненавижу. Холодный и горячий, в общем-то, любой кофе ненавижу, также, как и чай. Ненавижу море, горы, проезжие трассы, шумных соседей, да и любых вообще. Ненавижу рассветы и закаты. Ненавижу животных. Ненавижу людей. Ненавижу облака, звёзды и траву. Грязь ненавижу. Ненавижу всех вас. Ненавижу спорт. Ненавижу лень. Ненавижу. Ненавижу... Ненавижу... Ненавижу себя...

Откуда столько злобы? Ненавижу злобу.

А что я люблю? Ненавижу думать.

Ладно, похуй! Ненавижу пускать всё на самотёк.

Он стоял посреди пустой квартиры, стены которой казались ему живыми, шепчущими в уши: «Ты ненавидишь даже воздух, которым дышишь». Его голос сорвался, превратившись в хриплый смех, когда он попытался сказать: «Люблю... люблю...» – но губы сами выдавили: «Ненавижу».

Он разбил зеркало кулаком, рассыпав осколки по полу. В каждом фрагменте отражалась часть его лица – рот, искажённый в крике, глаза, пустые как дыры. «Ненавижу себя», – прошептал он, собирая осколки в ладонь, чтобы снова собрать разбитое лицо. Но зеркало лишь смеялось, показывая вместо отражения чёрную дыру.

Он вышел на улицу, где солнце светило ярче, чем обычно. «Ненавижу свет», – пробормотал он, прикрывая глаза. Но даже тень от фонарного столба казалась ему насмешкой. Он начал бежать, спотыкаясь о тротуарные плитки, пока не упал лицом в лужу. Вода была холодной, но даже её он ненавидел.

Вернувшись домой, он кричал в пустоту: «А что я люблю?!» Но ответа не было. Вместо этого в его уме начали звучать голоса: «Ты ненавидишь даже вопросы». Он схватил ручку и начал писать на стене: «Люблю... люблю...» – но чернила превратились в слова «ненавижу».

Он сжал в кулаке последний осколок зеркала, чувствуя, как стекло вонзается в ладонь. «Ненавижу боль», – прошептал он, но боль была единственным, что оставалось. Он посмотрел на кровь, стекающую по руке, и впервые за годы почувствовал... ничего. Ни ненависти, ни любви. Только пустоту.

«Ненавижу пустоту», – прошептал он, но слова уже не имели силы. Он рухнул на пол, окружённый осколками, и засмеялся. Потому что в конце концов, ненависть съела сама себя, оставив вместо себя тишину.

На следующее утро его нашли в квартире, где стены были исписаны одним словом: «Ненавижу». Но в углу, на стикере, кто-то написал мелом: «Люблю». Он смотрел на это, и впервые за годы его губы дрогнули. Не от ненависти. А от чего-то другого. Что-то, что он не мог назвать.

Эмпатия

Профессор Марк Вестон был человеком неординарным. Его острый ум, подкреплённый многолетним опытом исследований в области нейробиологии, сочетался с поразительной социальной замкнутостью. Он презирал фальшь современного мира, где войны и конфликты стали обыденностью, а социальное неравенство лишь усугублялось с каждым днём.

Будучи человеком с ярко выраженными чертами асоциального поведения, Марк сам страдал от неспособности проявлять искреннюю симпатию и понимание к окружающим. Эта внутренняя борьба стала катализатором его главного научного проекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.